
К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ЯЗЫКА В РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ БИЛИНГВОВ

Л.П. Дианова

МГИМО (Университет)
проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В статье рассматривается вопрос соотношения первого и второго языка билингвов — граждан ближнего зарубежья — студентов российских вузов. Основываясь на работах российских и зарубежных лингвистов, а также собственных исследованиях, автор считает, что в процессе обучения второму (иностранному) языку в качестве первого в некоторых случаях следует понимать тот язык, который используется этнически нерусским субъектом в коммуникативном пространстве конкретного социума для реализации необходимых потребностей своего бытия.

Ключевые слова: билингв, первый язык, второй язык, тождественность усвоения первого и второго языков

Положение о том, что в основе овладения как первым, так и вторым языком лежат единые принципы, сформировалось в отечественном языкознании благодаря трудам таких ученых, как Е.М. Верещагин, В.А. Виноградов, Н.В. Имедадзе, А.Е. Карлинский, Б.А. Серебренников и др. Среди трудов последнего десятилетия наше внимание обращено и к трудам лингвистов ближнего зарубежья (Э.Д. Сулейменова, А.Е. Агманова и др.). К отечественным работам, посвященным этой проблематике, несомненно, относится и диссертационный труд А.Ю. Русакова «Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)» [7].

В этой работе А.Ю. Русаковым обосновывается отсутствие принципиальных отличий процессов, происходящих при языковых контактах, от процессов, имеющих место при функционировании языка вообще. Такая позиция, как отмечает автор диссертации, подтверждается материалом из разных сфер функционирования языка. Так, специалисты по нейролингвистике склоняются к выводу о том, что в плане полушарной доминанции не существует принципиальной разницы между организацией монологической и билингвальной языковой компетенции, а в рамках последней — между первым (родным) и остальными языками. Ведущим в обоих случаях является левое полушарие.

Принципиально одинаковыми являются и нейронные механизмы, поддерживающие речевую деятельность билингва на разных языках. Исследования по усвоению второго языка (Second Language Acquisition) показывают, что по крайней мере часть отклонений от нормы при подобном усвоении обязана своим появлением не влиянию родного языка, а универсальным особенностям усвоения языка вообще, тем самым утверждается тождественность процессов усвоения первого и второго языков.

Что касается языковой интерференции (по А.Ю. Русакову), то один из двух основных интерференционных процессов, эксплицитно выделенных У. Вайн-

райхом, — межъязыковое отождествление элементов двух языков и изменение элемента одного из этих языков под воздействием отождествленного с ним элемента другого языка — представляет собой аналогичный процесс. При этом он существенно не отличается от процессов, действующих при монолингвальном языковом изменении.

Заимствование в узком смысле (т.е. перенос из одного языка в другой «субстанциональных элементов» — морфем, слов, идиом) можно принять за специфически контактный механизм. Однако, по А.Ю. Русакову, если рассматривать его последовательно «антропоцентрически», он также не отличается принципиально от усвоения носителем языка любого языкового элемента, неизвестного ему (или не использовавшегося им) ранее, т.е. выходит за пределы билингвальной проблематики в узком смысле слова.

Ссылаясь на результаты ряда исследований, А.Ю. Русаков, в частности, подчеркивает, что представление о том, что билингвальное речеобразование при переключении кодов принципиально не отличается от монолингвального. Следует отметить, что этот вывод является одним из базовых моментов в теории Майерс-Скоттон [10]. Солидаризируется с этой точкой зрения Д. Браун, призывавший к созданию обобщенной теории усвоения второго языка. Ученый заметил, что процесс усвоения второго языка не сильно отличается от усвоения первого языка и является частью общего человеческого познания, включает когнитивные изменения, тесно связан с индивидуальностью, сопряжен с проблемой изучения новой культуры, предполагает создание новых лингвистических систем, а также изучение речи и коммуникативных функций языка [9] (1).

Такой позиции придерживается известный ученый Э.Д. Сулейменова. В частности, анализируя идеи арабского мыслителя X в. Абу Хайяна ат-Таухиди и В. фон Гумбольдта, ученый приходит к выводу о том, что билингвы не имеют никаких сдвигов в своем сознании относительно картины мира, которая представлялась бы им в зависимости от языка, на котором они в данном случае общаются.

Э.Д. Сулейменова, как и ученые-системологи (Г.П. Мельников и др.), полагает, что язык не может считаться самостоятельным познавательным механизмом, способным полностью регулировать познание мира и адекватно представлять его в сознании; он не отражает действительность, это деятельность и функция мозга. Однако в языковых формах фиксируются и отображаются результаты этого отражения. Поэтому, замечает Э.Д. Сулейменова, когда говорят о «языковой картине мира», то могут иметь в виду саму форму существования картины мира. Никакой язык не соотносится с объективным миром непосредственно и не создает сам его картины. Если предположить, что вся мыслительная деятельность человека регламентируется языковой системой, то отсюда неизбежно следует, что человек живет в своем языковом мире, за пределы которого он не может выйти. «Путы» языка в таком случае были бы для человека непреодолимы. В этом отношении особое звучание получают вопросы о взаимоотношении двух языков у билингва [7. С. 90—94].

Предпринимая попытку дифференцировать понятия «родной (этнический) язык» (РЯ) и «иностраный язык» (ИЯ), «первый язык» (Я1) и «второй язык»

(Я2), казахстанские ученые-лингвисты (А.Е. Агманова) отмечают, что в современной науке закономерной представляется ситуация, когда первый усвоенный язык является «родным» и языком наибольшего использования, а неродной язык — вторым по порядку усвоения и вспомогательным в функциональном плане [1. С. 16—19]. Вместе с тем на практике, как показало и наше исследование [5], в различных ситуациях языкового контакта в субъектах РФ и некоторых странах ближнего зарубежья (Белоруссия, Казахстан, Киргизия и др.) эти термины не всегда соотносимы. В случаях смены языка в речевой культуре билингвального субъекта язык иного этноса (или хронологически второй язык) может вытеснить первый, и этнический язык теряет свое значение как первичное средство общения. Это характерно для определенной части населения в субъектах РФ, коренного населения Белоруссии, Казахстана, восточной части Украины, Приднестровья и некоторых других стран ближнего зарубежья, в которых доминирующим в социально-коммуникативных сферах стал русский язык. Такому положению дел способствовало многолетнее развитие инационально-русского билингвизма: белорусско-русского, казахско-русского, украинско-русского и др., который в случаях доминирования русского языка в речевой культуре билингвов правильнее называть русско-инациональным или русско-инофонным.

По утверждению современных белорусских лингвистов, отношения равновесия между близкородственными языками в процессе исторического развития Беларуси были нарушены, в результате русский язык в белорусском обществе постепенно занял доминирующее положение во всех сферах общения, и в настоящее время «русский язык на территории республики реально используется активнее, чем белорусский» [3. С. 16].

Аналогичная ситуация наблюдается в субъектах РФ и некоторых странах ближнего зарубежья. Так, А.Е. Агманова отмечает: «... в случаях смены языка хронологически второй язык может вытеснить первый и родной язык теряет свое значение как первичное средство общения (например, это характерно для определенной части коренного населения Казахстана, доминирующим языком которой во всех социально-коммуникативных сферах стал русский язык... Кроме того, в полиэтническом обществе при наличии государственного языка, языка межнационального общения эти языки не являются иностранными, но изучаются в учебных заведениях как вторые» [1. С. 16—17].

Ситуация в субъектах РФ, Белоруссии и Казахстане, восточном регионе Украины, собственно, как и ситуация в субъектах РФ, свидетельствует о том, что в зависимости от языкового окружения ребенок может начать говорить на языке иного языкового социума. Другими словами, первым для него может стать язык государственный и/или язык межнационального общения, словом, язык иного этноса. И примеров этому в бывшей советской общности было немало. Учтем также, что эти языки не расцениваются билингвами как иностранные и в настоящее время, они изучаются как первые и/или вторые. Безусловно, соотношение этих понятий отнюдь не однозначное и в каждом конкретном случае требует специального изучения. Это важно и для более объективного понимания термина «родной язык», которым с разными коннотациями оперируют разные исследователи. С точки зрения А.М. Шахнаровича, «способом организации когнитивных

процессов и структур может быть только один язык, усвоенный в процессе биологического отчуждения от матери и переходе к социальному общению... Любой другой язык, как бы рано он ни усваивался и как бы субъект им ни овладевал, родным называться не может» [8. С. 17].

В.Г. Костомаров полагает, что в норме у человека не бывает двух материнских языков подобно тому, как не бывает двух родных матерей. Вместе с тем он допускает возможность того, что «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [5. С. 11].

С учетом выводов предшественников мы проводили анкетирование студентов-билингов МГИМО (У) МИД России (2010—2011), которое показывает, что этническим («родным») языком не владеет большая часть респондентов. По ответам на поставленные вопросы в общем можно судить о диглосно-билингвальных соотношениях этнического и русского языков: их неравновесном, неравнозначном состоянии и отнюдь нередко о доминировании русского языка в когнитивной системе студента-билингва, обучающегося в российском вузе. Хотя нередко случаи, когда студенты из стран ближнего зарубежья сознательно выбирают русский язык в качестве первого или второго иностранного. Цель такого выбора — «облегчить» себе процесс обучения. Таково наше мнение на сегодняшний день. Надеемся, что после пяти лет, прошедших после нашего исследования (анкетирования), эта ситуация не изменилась. Во всяком случае, это покажет новое анкетирование, которое в настоящее время нами разрабатывается.

Как представляется, в подобных случаях под термином «первый язык» следует понимать тот язык, который используется этнически не русским субъектом в коммуникативном пространстве (совокупность сфер речевого общения) конкретного социума для реализации необходимых потребностей своего бытия в соответствии с языковыми, когнитивными, прагматическими правилами, принятыми в этом социуме.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) «Принципиальное сходство процессов функционирования языка в монолингвальной и билингвальной ситуациях не означает, конечно, что билингвальное использование языка не имеет своих отличительных особенностей (как их имеют и другие ситуации языкового использования, например, письменная форма речи и т.п.). Тут значительный и отнюдь не только терминологический интерес имеет вопрос о «границах билингвизма», об отличии вариативности внутри одного кода от использования индивидом двух (нескольких) разных кодов» [7. С. 11].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Агманова А.Е.* Предикативность: теория и моделирование усвоения второго языка: монография. Павлодар: ЭКО, 2007. 259 с.
- [2] *Агманова А.Е.* Усвоение второго языка: проблемы теории и методологии исследования: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Астана: KazServicePrint. LTD, 2013. 102 с.
- [3] *Brown H. Douglas.* 1994. Principles of language learning and teaching. 3rd edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Regents. 299pp.

- [4] *Волынец Т.Н.* Национальный вариант русского языка в Беларуси — Миф или реальность? // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Международная научная конференция «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение»*. Сборник в 2-х частях. Витебск, 22—24 апреля 2009 г. Витебск: Изд-во «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. Ч. 1. 216 с. С. 16—21.
- [5] *Дианова Л.П.* Русский язык в речевой культуре билингов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 185 с.
- [6] *Костомаров В.Г.* Еще раз о понятии «родной язык» // *Русский язык в СССР*. № 1, 1991. С. 9—15.
- [7] *Русаков А.Ю.* Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе): дисс. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. СПб, 2004. 132 с.
- [8] *Сулейменова Э.Д.* Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. 2-е изд. Алматы: Демур, 1996. 208 с.
- [9] *Шахнарович А.М.* Онтогенез речи и формирование языковой способности человека // *Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи*. М.: Наука, 1991. С. 185—220.
- [10] *Myers-Scotton C.* A lexically based model of code-switching // *One speaker, two languages, cross-disciplinary perspectives on code-switching* / Ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge, 1995. 365 p.

TO THE DETERMINATION OF THE FIRST AND SECOND LANGUAGE IN BILINGUALS' CULTURE OF SPEECH IN RUSSIAN HIGH SCHOOLS

L.P. Dianova

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Vernadskiy Avenue, 76, Moscow, Russia, 119454

The article tackles the question of the relation between first and second language of a bilingual person. Based on the works of Russian and foreign linguists, as well as her own research, the author believes that in the process of learning a second (foreign) language, the term “first” in some cases, should be understood that language which used by a bilingual person in the communicative space of a particular society. “First” language is that which he/ she uses to implement the required needs of his / her own existence in accordance with the linguistic, cognitive, pragmatic rules adopted in this society

Key words: bilingual, first language, second language, identity assimilation of first and second languages

REFERENCES

- [1] *Agmanova A.E. Peridikativnost': teorija i modelirovanie usvoenija vtorogo jazyka: Monografija* [Predicativity: theory and simulation of learning a second language: Monograph]. Pavlodar: JeKO Publ., 2007. 259 p.
- [2] *Agmanova A.E. Usvoenie vtorogo jazyka: problemy teorii i metodologii issledovanija: ucheb. posobie, 2-e izd., dop. i pererab.* [Mastering a second language: problems of theory and methodology of the study: proc. allowance. 2-nd. ed., add.]. Astana: TOO «KazServicePrint. LTD» Publ., 2013. 102 p.

- [3] Volynets T.N. *Nacional'nyj variant ruskogo jazyka v Belarusi — Mif ili real'nost'?* [National variant of the Russian language in Belarus — Myth or reality?] Sbornik v 2-h chastjah. *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "Belorussko-russko-pol'skoe sopostavitel'noe jazykoznanie i literaturovedenie"* [Proc. 8-th Int. conf. "Belarusian-Russian-Polish comparative linguistics and literary studies". A collection in 2 parts.]. Vitebsk: VGU Publ., 2009. Part 1, pp. 16—21.
- [4] Dianova L.P. *Russkij jazyk v rechevoj kul'ture bilingvov: Diss. ... kand. filol. nauk* [Russian language in the bilinguals' verbal culture: Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 185 p.
- [5] Kostomarov V.G. *Eshhjo raz o ponjatii «rodnoj jazyk»* [About the concept of "native language" once again]. *Russkij jazyk v SSSR [The Russian language in the USSR]*. Moscow, 1991. No. 1, pp. 9—15.
- [6] Rusakov A.Ju. *Interferencija i pereključenje kodov (severnoruskij dialekt cyganskogo jazyka v kontaktologičeskoj perspektive)* [Interference and switching codes (North Russian dialect of Romani in contacts perspectives)]. Diss. v vide nauchnogo doklada ...d-ra filol. nauk [Dr. philol. sci. diss.]. SPb, 2004. 132 p.
- [7] Sulejmenova Je.D. *Kazahskij i russkij jazyki: osnovy kontrastivnoj lingvistiki. 2-e izd.* [The Kazakh and Russian languages: the basics of contrastive linguistics. 2-nd ed.]. Almaty: Demeu Publ., 1996. 208 p.
- [8] Shahnarovich A.M. *Ontogenez rechi i formirovanie jazykovoj sposobnosti čeloveka* [The ontogenesis of speech, and the formation of the language ability of the person]. *Čelovečeskij faktor v jazyke. Jazyk i porozhdenie rechi — [Human factor in language. Language and speech production]*. Moscow, 1991, pp. 185—220.
- [9] Brown, H. Douglas. 1994. *Principles of language learning and teaching*. 3-rd edition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Regents. 299 p.
- [10] Myers-Scotton C. *A lexically based model of code-switching // One speaker, two languages, cross-disciplinary perspectives on code-switching / Ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge, 1995. 365 p.*